

Выход на пенсию как момент пересмотра идентичности

В.А. КУШТАНИНА

В статье рассмотрены представления россиян пенсионного возраста о пенсионерах. Мы предполагаем, что даже для работающих пенсионеров имеет место размышление об идентичности: принимать или не принимать этот «ярлык», несущий чаще всего негативную оценку. Для тех же, кто оставляет работу по достижении пенсионного возраста, встает вопрос о реорганизации своего образа жизни, пересмотре своей идентичности. Идентичность представляется удобным концептом для анализа того, почему в близкой финансовой ситуации одни люди выходят на пенсию, а другие — продолжают работать. Также понятие идентичности является ключом к исследованию стратегий адаптации к жизни на пенсии.

Введение

Выход на пенсию традиционно рассматривается социологами как один из переломных моментов в индивидуальной биографии. В России в настоящее время понятие «пенсионер» неоднозначно, поскольку официально пенсионерами являются женщины старше 54 лет и мужчины старше 59 лет вне зависимости от того, работают они или уже завершили свою профессиональную карьеру. Поэтому оговоримся, что под «выходом на пенсию» мы будем иметь в виду прекращение профессиональной деятельности. Указанная неоднозначность понятия «пенсионер» оставляет индивиду определенную свободу в самоопределении: принимать ли на свой счет навязываемое ему обществом определение или нет.

Исходным вопросом проведенного исследования¹ был вопрос: почему в близкой финансовой ситуации одни индивиды, достигнув пенсионного возраста, прекращают профессиональную деятельность, а другие продолжают работать? Ответ на этот вопрос предполагает рассмотрение того, как характеризуются пенсионеры современным российским обществом и как сами люди пенсионного возраста относятся к та-

---

¹ Эмпирическим материалом для данного исследования послужили 15 биографических интервью, проведенных в Москве среди людей пенсионного возраста. В качестве интервьюируемых выступили 9 женщин и 6 мужчин разного семейного положения, работающие и неработающие пенсионеры. Интервьюируемых можно разделить на две возрастные группы: «молодые пенсионеры», которым от 55 до 71 года, и группа старше — от 74 до 79 лет. Все интервьюируемые — люди с высшим образованием (среди них трое кандидатов наук и двое докторов наук). Старшая возрастная группа — математики и программисты. Опрошенные «молодые пенсионеры» имеют различное образование, но работают в сфере культуры (экономисты в сфере культуры, историки искусств и т. д.). Для исследования специально были выбраны такие социально-профессиональные группы, для представителей которых выход на пенсию является существенной переменной в жизни.

кому определению своего статуса. С этим связано и то, как индивиды адаптируются к пенсионному возрасту и какое решение они принимают относительно возможности оставить работу.

Идентичность является ключевым понятием данного исследования. Синтезируя существующие подходы к определению этого понятия, будем понимать идентичность как непрерывный процесс конструирования представления, которое формируется у индивида о самом себе («идентичность для себя») и которое он стремится передать другим индивидам («идентичность для других») [Dubar 1998].

Проведенное исследование опирается также на понятия, разработанные в рамках интеракционистской и конструктивистской социологии, в частности, в рамках социологии старения (в ее современном варианте)² и социологии времени³.

Исследование состоит из двух частей. Первая касается анализа собственно идентичности «пенсионера», вторая — посвящена способам сохранения или же модификации идентичности индивидом после достижения пенсионного возраста. При этом данная работа опирается на парадигму жизненного пути: рассматривая пенсию как особый этап в жизни индивида, мы анализируем ее в контексте его биографии. «В целом жизненный путь может быть рассмотрен как многоуровневый феномен, связующий структурирующие процессы через социальные институты и организации с социальными траекториями индивидов и процессами их развития» [Ежов 2005]. Таким образом, биография индивида и отдельные ее этапы и моменты оказываются вписаны в исторический и социально-экономический контекст, равно как и в рамки индивидуальных установок и событий частной биографии.

Идентичность пенсионера

Для начала поясним, почему в случае выхода на пенсию правомерно говорить об изменении или хотя бы о пересмотре идентичности индивида.

Прекращение трудовой деятельности влечет за собой ряд изменений в повседневной жизни человека, которые могут пошатнуть его мнение о себе, а также представление о нем окружающих:

Изменение социального статуса, связанное, в частности, с потерей социально ценного и признанного занятия и со значительным падением доходов⁴: *«Раньше я любила в центр ездить, сейчас не люблю, да ну, он не такой стал. И потом, понимаешь, я не говорю, что все купить можно было, но по крайней мере доступно было. <...> А теперь что ходить? Что в музей, что туда идти. Я одно время нули с конца считала»⁵.*

² Это относительно новое направление в социологии, появившееся в США в 1940-х годах в рамках функционалистской парадигмы (Э. Камминг, У. Генри) и активно развивающееся в настоящее время в Америке и в Европе уже в интеракционистской традиции (В. Карадек, С. Эрбор, Дж. Джин).

³ Также сравнительно недавнее направление в социологии, представленное преимущественно в Европе. Можно указать таких авторов, как Н. Элиас, С. Таббони, Р. Сю, Б. Адам. Основная идея этого направления заключается в том, что время, вопреки кажущейся очевидности, является далеко не естественным явлением, а социальным конструктом [Tabboni 2006].

⁴ По данным на 2006 г., в России средняя номинальная начисленная заработная плата составила 10727,7 рублей, что более чем в 4 раза больше размера средней пенсии — 2726 рублей (данные www.gks.ru).

⁵ В тексте курсивом даются цитаты из интервью.

Снижение уровня доходов также может повлечь за собой изменение стиля жизни. Например, придется отказаться от некоторых занятий и привычек, увеличить временные затраты на поиски более дешевых продуктов питания и т. д.: *«И все пенсионеры, если посмотреть, днем они стоят в этих очередях, они едут на рынок. Я когда приехала в метро на станцию «Теплый стан», из поезда вышли одни одуванчики — все седые, бабушки с тележками на колесах. Я тоже бабушка среди них — вот на этот рынок, со всей Москвы».*

Потеря основного занятия, которое, с одной стороны, занимало значительный объем личного времени, с другой стороны — определяло личное ежедневное, еженедельное или иное расписание. При выходе на пенсию индивид сталкивается с необходимостью заполнить тем или иным образом освободившееся время, а также установить новое личное расписание, что для некоторых может стать существенной проблемой: *«А что касается состояния пенсионера, то об этом я думаю с ужасом просто. Ну, хотя бы из-за того, что появляется огромное количество свободного времени».*

Используя классификацию социальных связей, предложенную Э. Дюркгеймом и доработанную современным французским социологом С. Погамом⁶, можно констатировать, что при выходе на пенсию происходит перераспределение веса различных социальных связей индивида. Органическая связь, т. е. социальная связь, обусловленная участием индивида в общественном разделении труда, рвется, по крайней мере частично. Вместе с тем происходит усиление гражданской связи с обществом: для большинства российских пенсионеров сегодня пенсия, определяемая и выплачиваемая государством, является единственным собственным источником дохода. Это обусловлено тем, что накопительная система пенсионного обеспечения введена лишь в 2004 г., а накопленные сбережения «сгорели» в результате инфляции начала 1990-х годов. При этом можно сказать, что для многих из них имеет место логика «государство мне должно» (свидетельством тому, в частности, стали акции протеста пенсионеров в январе 2005 г., связанные с переходом к монетизации льгот). Таким образом, гражданская связь с обществом со стороны пенсионеров не только усиливается, но и приобретает характер требования. Что касается семейных связей, то, как правило, они усиливаются через ряд социальных ролей: увеличение времени, проводимого с супругом/супругой; оказание помощи пожилым родителям; оказание материальной или «инструментальной» (например, ведение домашнего хозяйства) помощи детям или же получение от них такой помощи; воспитание внуков. Последний тип социальных связей — элективные. Выход на пенсию может послужить стимулом для мобилизации дружеских отношений, однако с возрастом в силу естественных причин количество старых друзей уменьшается, а приобретение новых становится, как правило, более проблематичным [Bidart 1998].

Все эти изменения в повседневной жизни, с которыми сталкивается индивид, когда выходит на пенсию, позволяют говорить о том, что он сталкивается с необходимостью преобразовать свою жизнь, прибегая к тем или иным стратегиям адаптации к новой жизненной ситуации, т. е. в определенном смысле пересмотреть свою иден-

⁶ В результате ими было выделено 4 типа связей, посредством которых индивид встраивается в общество: органическая (через рынок труда и трудовую деятельность), гражданская (через отношения с государством), филиативная или семейная, и элективная (т. е. дружеские отношения и отношения с соседями) [Paugam 2005].

тичность. Многие исследователи даже пишут о том, что выход на пенсию вызывает «кризис». Под «кризисом после выхода на пенсию» подразумеваются негативные изменения (ухудшение состояния здоровья, депрессия, повышение смертности), которые следуют за прекращением трудовой деятельности [Caradec 1998].

Однако, по мнению одного из ведущих французских социологов старения В. Карадека, «кризис после выхода на пенсию является по большей части мифом» [Caradec 2001]. Он объясняет свою позицию об отсутствии кризиса при выходе на пенсию действием механизма «предварительной профессиональной десоциализации». Предлагая этот концепт, В. Карадек опирается на понятие «предварительной социализации», которое ввел Р. Мертон, предполагая, что даже если переход из одной социальной позиции в другую может показаться непредвиденным, ему все же предшествует период сознательной или несознательной подготовки. При отсутствии такого механизма выход на пенсию становится болезненным [Caradec 1998]. Проведенное нами исследование подтверждает это предположение. Среди опрошенных нами пенсионеров «кризис» сопровождал выход на пенсию лишь в единственном случае, когда этот переход стал преждевременным и потому непредвиденным.

Тем не менее выход на пенсию является существенным изменением в жизни индивида. Он предполагает потерю важного и, как полагают некоторые исследователи, базового элемента идентичности взрослого человека в современном обществе — работы [Hughes 1996]. При этом мы считаем, что само по себе достижение пенсионного возраста, не сопровождающееся прекращением профессиональной деятельности, также может послужить поводом для пересмотра идентичности, поскольку индивиду предлагаются и даже навязываются обществом новый социальный статус и новая идентичность.

Таким образом, даже в том случае, если пенсионер продолжает работать, вопрос об идентичности встает и перед ним. С одной стороны, любой работающий пенсионер все же рассматривал вопрос: работать дальше или уйти на пенсию. С другой стороны, даже если человек пенсионного возраста продолжает работать, официально его все равно называют «пенсионером». Поэтому он также решает для себя, как относиться к этому новому статусу.

Что касается непосредственно идентичности пенсионера, то здесь следует отметить следующее обстоятельство. Идентичность пенсионера предлагается и даже навязывается обществом индивиду по достижении определенного возраста, вне зависимости от того, продолжает он работать или нет. «Пенсионер» — это его новый официальный статус. Однако понятие «пенсионер» не нейтрально, оно имеет множество коннотаций. Поэтому те, кому присваивается этот «ярлык» [Becker 1985], по-разному реагируют на такое изменение своего статуса.

Можно сказать, что в российском обществе в общем и целом понятие «пенсионер» в настоящее время имеет достаточно сильную негативную коннотацию. В обществе пока еще доминирует индустриальная временная модель, которая предполагает трехчастную структуру жизненного цикла индивида: детство и молодость как подготовительный этап, взрослый возраст как основу данной модели и пенсионный возраст, рассматриваемый как время «отдыха» после трудовой деятельности [Bessin 1997]. Некоторые исследователи даже говорят о «возрастных стратах» в современном обществе [Riley, Foner 1972], поскольку из трех этапов жизненного цикла взрослый возраст доминирует как по продолжительности, так и по социальной значимости. Так, именно взрослое население участвует в общественном производстве и благо-

даря перераспределению ресурсов в обществе обеспечивает остальные возрастные группы. Поэтому взрослый возраст является в некотором роде возрастной нормой современного общества, а остальные возраста — отклонением от нормы. Такого рода возрастная стратификация позволяет некоторым западным исследователям (несмотря на достаточно высокий уровень доходов пенсионеров — их соотечественников) при изучении старения и пенсии использовать термины из теории девиантности [Membrado 1999]: «стигмат» (И. Гоффман), «ярлык» (Г. Беккер), «социальная дисквалификация» (С. Погам).

Негативные представления о старости и пенсии усугубляются тем, что жизнь на пенсии часто ассоциируется с бедностью [Drulhe 2003]. В России такая ситуация стала реальностью в 1990-х годах, когда в 1992 г. средняя пенсия составляла 84% прожиточного минимума пенсионера, а в 1995 г. — 71%. Существенное ухудшение этого соотношения произошло также после экономического кризиса 1998 г. В 2002 г. среднюю начисленную пенсию удалось сравнить с прожиточным минимумом пенсионера. В 2004 г. величина этого соотношения составила 106% [Россия в цифрах... 2007].

Можно даже сказать, что в настоящее время в России статус пенсионера является в некотором роде «стигматом». И. Гоффман определяет стигмат как «знаки <...> показывающие, что он <индивид> обладает характеристикой, которая делает его отличным от других членов группы, в которую он мог бы входить, а также менее привлекательным для других». Он также определяет стигмат как несоответствие двух типов идентичности: «виртуальной» и «реальной». Виртуальная идентичность — это совокупность характеристик, приписываемых индивиду, а реальная — это совокупность характеристик, обладание которыми он может доказать [Goffman 1975]. Виртуальная идентичность в случае российских пенсионеров имеет явный негативный оттенок, и проведенные интервью показывают, что сами люди пенсионного возраста осознают это.

Как показывает наше исследование, негативное представление о пенсионерах включает несколько аспектов. Во-первых, пенсия ассоциируется со старостью (собственно, такой смысл ей и придавался изначально — когда появились системы пенсионного обеспечения). Так или иначе, выход на пенсию обычно ассоциируется с определенным возрастом: «...это психологически стрессовый момент достижения определенного возраста. Вспомните, как 40 лет переживали...». Во-вторых, пенсия ассоциируется с бедностью. В-третьих, пенсия часто воспринимается самими пенсионерами как время социальной ненужности, как «социальная смерть» [Guillemard 1972], поскольку человек оставляет социально полезную и общественно ценную деятельность. Также пенсия представляется как время ускорения процесса старения, деградации: «...человек становится неполноценным, и это он чувствует...». Выход на пенсию воспринимается как риск ухудшения здоровья и физического состояния в целом, а также как снижение умственных способностей: «Многие люди, которые были перегружены в жизни до пенсии, попав на пенсию, срываются — срываются на лень: на постель до 12 часов дня, вот это сидение на лавочках и т. д., на бесконечную пустую болтовню с другими пенсионерами. Причем такое происходит с людьми, которые раньше были интересными». В то же время жизнь на пенсии может восприниматься как «опустошенная», скучная. Это представление связано в первую очередь с неумением занять свое время самостоятельно, без внешнего принуждения, каким была до этого работа. Кроме того, пенсия воспринимается как период, когда человек проводит почти все свое время дома.

Пенсия может выступать также как время одиночества. Для большинства опрошенных работа играет или играла роль важного источника каждодневного общения. Поэтому выход на пенсию, как правило, вызывает существенное снижение числа ежедневных человеческих контактов. Для тех пенсионеров, у кого нет семьи и мало друзей, выход на пенсию может стать тяжелым испытанием по этой причине. Очевидно, что вдовство при этом играет роль отягчающего фактора. Смерть супруга осложняет выход на пенсию еще и потому, что она может повлечь за собой прекращение определенных занятий, которыми раньше супруги занимались совместно. Тем не менее важно подчеркнуть, что пенсия и вдовство не обязательно влекут за собой одиночество. Многое зависит от предыдущего жизненного опыта: люди, которые привыкли жить одни, меньше тягостятся одиночеством и меньше боятся его.

В связи с перечисленными обстоятельствами представление о типичном пенсионере является достаточно пессимистичным: *«Это человек, который сидит дома, от нечего делать смотрит телевизор — все подряд. Читает газету — если он ее выписывает, тоже неважно какую. И естественно, осуждает все, что творится в мире, в стране. Осуждает президента, правительство. Все плохо: было плохо, стало еще хуже. То есть человек, который мало чем интересуется, человек, который сам себя лишил многого»*. Если резюмировать, это человек, который *«перестал работать»*, *«мало, чем интересуется»*, ведет *«опустошенную жизнь»*. Поэтому для многих опрошенных (особенно для тех, кто продолжает работать) выход на пенсию ассоциируется с личностной деградацией. Очевидно, что подобного рода представление довольно сложно отнести к самому себе.

В отношении идентичности пенсионера можно применить теорию Г. Беккера о «наклеивании ярлыков». Согласно этой теории, общество присваивает индивиду некоторый статус, некоторое определение, «ярлык». А дальше индивид, в зависимости от своего отношения к нему, меняет свое поведение, свой образ жизни и модифицирует свою идентичность. По отношению к самой идентичности, «ярлыку» [Becker 1985] «пенсионер», можно выделить два типа поведения.

Первый тип поведения заключается в дистанцировании от этого понятия, которое выражается в высказываниях вроде: *«Нет, я не пенсионер. Я работаю, у меня нет ни минуты свободного времени. Какой же я пенсионер?!»* Такое поведение свойственно в основном работающим пенсионерам, которые определяют выход на пенсию как прекращение профессиональной деятельности. Однако следует отметить, что не все работающие пенсионеры отказываются признавать себя «пенсионерами». Некоторые из них, напротив, видят в этом положительный момент, рассматривая пенсию как приятную прибавку к заработной плате, радуясь новым льготам: *«Я хочу сказать — ну, как приятно, как приятно... не надо платить за транспорт. Это серьезно. А когда мне предложили квартплату понизить!..»*.

Второй тип поведения предполагает принятие идентичности («ярлыка») «пенсионер» в сочетании с попыткой оспорить ее негативные аспекты. Эта позиция закрепляется в высказываниях типа: *«Это неправда, что пенсионеры несчастны...»*, *«Я — счастливая пенсионерка!»* Такое отношение подразумевает, с одной стороны, осознание негативных аспектов представления о пенсионерах, а с другой — некие усилия по переоценке собственного положения или по изменению собственного поведения с тем, чтобы как можно меньше соответствовать данному представлению о типичном пенсионере.

Стратегии адаптации людей пенсионного возраста

Вторая часть исследования состояла в изучении стратегий сохранения, изменения и реконструирования идентичности после достижения пенсионного возраста.

Самое простое объяснение того факта, что некоторые люди выходят на пенсию по достижении пенсионного возраста, а другие продолжают работать как можно дольше, основывается на гендерном различии. С одной стороны, в большинстве современных обществ роль основного «добытчика» в семье традиционно принадлежит мужчинам [Bourdieu 1998], а заработок супруги часто оказывается второстепенным, что облегчает ее выход на пенсию. С другой стороны, ежедневные занятия женщины более диверсифицированы, чем занятия мужчины [Bessin 2005]. Так, исследования бюджетов времени показывают, что женщины в России традиционно больше занимаются домашним хозяйством и участвуют в воспитании внуков, чем мужчины [Груздева, Чертихина 1983]. Действительно, в нашем исследовании все опрошенные мужчины продолжают работать, причем ухудшение финансового положения в случае выхода на пенсию является для большинства из них немаловажным фактором. Женщины же в большинстве своем, особенно в старшей возрастной группе, уже перестали работать. Мужчины в большинстве случаев отказываются признавать себя «пенсонерами», тогда как большую часть женщин этот «ярлык» не смущает. Однако объяснение исключительно в терминах гендерных особенностей является слишком грубым и не позволяет построить типологию стратегий адаптации к ситуации пенсии и восстановления идентичности.

В связи с этим мы предлагаем другое объяснение, в котором ключевым является понятие ресурсов идентичности. Идея объяснить поведение пенсионеров через понятие ресурсов того или иного рода впервые появилась в классификации стилей жизни пенсионеров, которая была разработана А.-М. Гийемар в 1972 г. Она и по сей день представляет интерес для исследователей. Гийемар предложила рассматривать образ жизни пенсионеров в двумерном пространстве. В этом пространстве первая ось представляет собой оппозицию «природа — культура», т. е. противопоставление в традиции Э. Дюркгейма биологического и социального начал в человеке. А вторая ось — «производство — потребление». При этом в качестве определяющих факторов поведения пенсионеров автор предлагает рассматривать ресурсы, накопленные индивидом во время профессиональной карьеры. Эти ресурсы могут принимать вид «благ» (уровень дохода; масштаб личной социальной сети; состояние здоровья и т. д.) и «возможностей» (уровень образования: опыт исполнения профессиональных обязанностей, предполагающих проявление личной инициативы; наличие интересов вне работы). При этом «возможности» выступают в качестве ресурсов для «благ» [Guillemard 1972]. Основная идея этой работы представляет большой интерес, отвечая принятому нами методологическому тезису о том, что жизнь на пенсии не следует рассматривать отдельно от жизненного пути индивида в целом. В то же время различие «благ» и «возможностей» не является существенным для нашего исследования. Поэтому далее мы будем говорить о «ресурсах идентичности» и о «личных ресурсах», рассматривая эти понятия как синонимы.

Итак, под ресурсами идентичности мы подразумеваем личные характеристики (уровень образования, состояние здоровья и т. д.), а также межличностные отношения и виды деятельности, которые индивид может мобилизовать при изменении жизненной ситуации, когда необходимо модифицировать или реконструировать об-

раз жизни и свою идентичность. Как пишет В. Карадек, «понятие “ресурсов идентичности” призвано описывать “потенциальные” идентичности, которые пенсионер может мобилизовать, чтобы превратить их в идентичности активные. Это те идентичности, которые были активными раньше и которые индивид был вынужден оставить, или те, которые, к своему сожалению, он так и не смог реализовать» [Caradec 2004]. Как правило, женщины располагают более широким спектром ресурсов идентичности за счет большего количества ролей, активно выполняемых ими во время профессиональной деятельности. То есть у них в принципе больше возможностей для восстановления идентичности после выхода на пенсию. Но все же представляется слишком узким объяснение ресурсов идентичности лишь гендером как совокупности структурообразующих общественных отношений. Поэтому оговоримся, что даже если можно предположить, что та или иная стратегия поведения является преимущественно «мужской» или в основном «женской», здесь нельзя говорить о детерминизме.

В результате исследования нам удалось выявить *три группы стратегий*.

Первая группа стратегий заключается в продолжении профессиональной деятельности столь долго, сколько это возможно. При этом выход на пенсию представляется невозможным или как минимум нежелательным: «*Так что уходить на пенсию, сидеть дома — вряд ли я когда-либо смогу, наверное, буду ходить до упора, пока не вынесут*». Гипотетически тяжелый момент, когда придется оставить работу, может быть связан как с институциональными причинами (ситуация «*когда выгонят*»), так и с процессом личного старения, в частности, существенным ухудшением здоровья.

Среди опрошенных людей пенсионного возраста к данной стратегии прибегают как мужчины, так и женщины. Напомним, что речь идет о людях с высшим образованием, каждый из которых говорил о том, что работа для него была (или все еще) очень интересна. При этом финансовый аспект жизни на пенсии также представляется для большинства из них крайне важным, что усиливается традиционной ролью мужчины в семье как основного кормильца: «*Пенсии уж, конечно, не хватит на нормальную жизнь для двух пенсионеров*». Помимо финансового фактора, продолжение индивидом профессиональной деятельности насколько это возможно долго связано с двумя факторами. С одной стороны, такие люди обладают временными ресурсами, чтобы продолжать работать. К данному типу стратегии прибегают либо женатые мужчины, которые, в основном, освобождены от ведения домашнего хозяйства, либо женщины, которые живут одни, т. е. не несут двойной груз работы и домашних обязанностей, как большинство замужних женщин. Единственное исключение — замужняя женщина, которая ни за что не хочет оставлять свою работу, сообщила, что сразу после свадьбы так сложилось, что они с мужем поровну делят домашние обязанности. Таким образом, эти люди располагают, как это ни парадоксально, свободным временем для того, чтобы работать, чтобы не уставать от работы и груза семейных и домашних обязанностей. С другой стороны, пенсионерам, которые не хотят оставлять работу, в некотором роде не хватает ресурсов идентичности, чтобы ее чем-то заменить. У них нет устоявшегося хобби. А у многих из них эти два важных ресурса идентичности — работа и хобби — просто совпадают. Именно работе они посвящают большую часть своего свободного времени. Кроме того, у них мало (или вообще нет) друзей. Таким образом, работа представляет собой важнейший и незаменимый ресурс идентичности индивида, отказ от которого действительно может вызвать «кризис».

Вторая группа стратегий поведения пенсионеров состоит в продолжении профессиональной деятельности после достижения пенсионного возраста с очевидным

прекращением ее в перспективе. То есть благодаря возможности продолжать работать и по достижении пенсионного возраста такие лица могут лучше подготовить переход от работы к жизни на пенсии, сделать это в наиболее удобный для них момент. Таким образом, они получают возможность смягчить этот переход и избежать «кризиса» при выходе на пенсию. В данном случае работа, разумеется, представляет собой ресурс идентичности индивида, но не столь важный, как в предыдущем случае: *«Даже если вы меня сейчас лишите работы здесь, я все равно буду заниматься 12-м годом, потому что связи с людьми, которые этим занимаются, они сохранятся до последнего вздоха. Я буду посещать те же конференции, которые я сейчас посещаю, — четыре в год, стандартные такие. Я готов буду работать даже на общественных началах».*

Такая стратегия свойственна и мужчинам и женщинам различного семейного положения. Однако все они имеют один общий ресурс идентичности — хобби, которое со временем заменит работу. Это хобби может даже делать выход на пенсию желаемым: *«Я всегда говорил: вот мне будет 60 лет, я уйду на пенсию, брошу работу и буду заниматься моим хобби — историей науки. Потому что профессорская пенсия тогда была вполне приличная. На нее можно было жить. И вот когда этот самый пенсионный возраст пришел, оказалось, что жить не на что. И поэтому я продолжаю работать».* При этом у людей, которые выбирают эту стратегию адаптации к пенсионному возрасту, дружеские связи, как правило, сильнее, чем у представителей первой группы, что также облегчает выход на пенсию.

Третья группа стратегий поведения свойственна преимущественно женщинам. Она заключается в выходе на пенсию сразу или спустя небольшое время после достижения пенсионного возраста. Основным занятием и основным ресурсом для реконструирования идентичности в данном случае становится семья, а в качестве дополнительного ресурса выступают дружеские отношения. Момент выхода на пенсию при этом может определяться обстоятельствами, связанными с организацией, в которой работает индивид, например, сокращением кадров, реструктуризацией или ухудшением морального климата. Прекращение работы может быть связано и с «синдромом эмоционального выгорания» (*burn out*). Он проявляется в том, что индивид утрачивает «позитивное» видение своей профессии и своей работы [Loriot 2002]: *«Понимаешь, мы сейчас живем в такое время, когда заниматься какими-то экономическими изысками, которые не находят своего применения, я считаю, большой глупостью. Потом я считаю большой глупостью рутинную работу. <...> Вот каждый год тратить минимум три недели, чтобы систематизировать все то, что ты сделал за год и представить это в официальном отчете — это так называемый научный годовой отчет. Знаешь, вот это меня раздражало».* Выход на пенсию может быть вызван и общей усталостью. Семейные обстоятельства также могут стать определяющим фактором при принятии решения о прекращении профессиональной деятельности: *«Могла. Но ушла... В общем, как-то уже с возрастом стало трудно — ну, мама — уже возраст, на даче была она, ребенок рос там с ней. Но он уже тогда, наверное, большой был. Но к маме надо было обязательно ездить, возить продукты».*

Любопытно, что данная стратегия присуща как замужним, так и одиноким женщинам, и как «молодым» пенсионеркам, так и представительницам старшей группы. Пенсия часто рассматривается как период в жизненном пути, когда семья выходит на первое место, даже если раньше важнее всего была работа: *«Для меня семья — это прежде всего. Да, когда-то прежде всего была работа <...> много чего хотелось в этой жизни: и в театр сходить, и на выставку сходить, но сейчас у меня вот такой период в жизни, когда я несу ответственность перед своей семьей».*

Как правило, если у женщины есть семья, то при ее выходе на пенсию происходит мобилизация семейных связей по четырем основным направлениям: отношения с супругом, отношения с детьми, уход за тяжелобольными и пожилыми людьми, воспитание внуков. Исследования показывают, что в семьях уход за тяжелобольными и пожилыми людьми, нуждающимися в ежедневном уходе, осуществляют в основном женщины: если есть супруга, то она в первую очередь, если нет — дочь, невестка, сестра и т. д. [*Membrado* 2002]. Воспитание внуков также является преимущественно женским занятием, и многие исследователи видят в нем крайне эффективный механизм социализации пенсионеров [*Le Borgne-Uguen* 2001]. В то же время при отсутствии немощных родителей, которым нужно помогать, это единственная семейная роль, требующая интенсивного участия пенсионеров, которая при этом очень положительно оценивается обществом [*Caradec* 2004]. Однако в связи с малолетностью российских семей это, как правило, лишь недолгий период в жизни женщин: время, когда внукам от 2 до 13 лет. При этом наше исследование дает основания предполагать, что участие (неучастие) в воспитании внуков не связано с прекращением профессиональной деятельности. В этом смысле после выхода на пенсию не происходит освоения нового отношения, просто для внуков остается больше времени, если индивид уже занимался ими. Семейные связи могут также усиливаться благодаря помощи, оказываемой детям или наоборот — детьми, однако в случае наших интервьюируемых такого рода помощь носит лишь точечный характер.

Как правило, наиболее значимой из семейных связей после выхода на пенсию являются отношения с супругом. Можно выделить ряд обстоятельств, которые способствуют усилению супружеской связи после выхода на пенсию. Во-первых, это болезнь супруга и потребность в ежедневном уходе за ним. В данном случае жена (муж) становится основным, если не единственным, помощником. Во-вторых, это обычно ситуация, когда супруг продолжает работать и после того, как супруга выходит на пенсию. При этом в организации ежедневного распорядка семьи работа супруга играет решающую роль. Супруга может даже подстроить свое ежедневное расписание под образ жизни мужа: вставать рано, чтобы приготовить ему завтрак, готовить обед к определенному часу, если он приходит домой обедать.

В случае, если у женщины нет своей семьи, она может идентифицировать себя с семьей кого-то из родственников (с семьей сестры, племянницы) и выполнять часть функций там, например, бабушки: помогать готовить уроки, водить детей гулять.

При этом для женщин, для которых после выхода на пенсию семейные отношения доминируют, дружеские связи тоже, как правило, играют важную роль. В целом же можно сказать, что женщины имеют больше дружеских связей, чем мужчины. Часто отношения поддерживаются преимущественно за счет телефонных разговоров, а не личных встреч (как во время активной профессиональной деятельности, так и с возрастом, когда частые встречи становятся проблематичными), женщины в целом более расположены к такого рода общению [*Guionnet, Neveu* 2004]. При этом из тех немногих опрошенных, кто за последние 10–15 лет приобрел новых друзей, все — женщины.

Заключение

Данное исследование позволило показать, что современное общество предлагает и даже отчасти навязывает людям пенсионного возраста негативную идентичность. Существующее в обществе негативное представление о жизни пенсионера может даже препятствовать прекращению индивидом трудовой деятельности. Оно может и

наоборот играть роль, обратную «самореализующемуся пророчеству» [Merton 1995] – стимулировать «молодых» пенсионеров к тому, чтобы искать стратегию адаптации к жизни после выхода на пенсию, отличную от негативного образа пенсионеров, представленного в обществе.

Также данное исследование продемонстрировало, что анализ в терминах ресурсов идентичности стратегий реорганизации жизни и идентичности, которая происходит после достижения пенсионного возраста, является продуктивным. Как правило, индивид, выйдя на пенсию, не ищет новых друзей и новых занятий, а интенсифицирует те отношения и занятия, которые у него были до пенсии. То есть мы предполагаем, что эти личные ресурсы, или ресурсы идентичности, определяют способность человека адаптироваться к новой жизненной ситуации, какой является пенсия. Когда мы говорим о личных ресурсах, речь идет, с одной стороны, о заполненности социальных ролей: объективной возможности быть женой, матерью, бабушкой или дедушкой. С другой стороны, речь идет и о субъективной возможности выполнять эти роли, иметь много друзей, иметь хобби и не скучать, не имея одного доминирующего занятия, такого, как работа.

Нами была выявлена типология стратегий поведения людей пенсионного возраста, которая позволила определить факторы, упрощающие выход на пенсию, делающие его субъективно возможным или даже желаемым. При этом мы предполагаем, что для разных людей (в первую очередь для мужчин и женщин) различные ресурсы имеют неравное значение. Так, для мужчин наиболее важным фактором, упрощающим адаптацию к жизни без работы, является наличие хобби. Для женщин же наличие соответствующих семейных связей может быть достаточным ресурсом для того, чтобы отказаться от работы.

Данное исследование не претендует на репрезентативность в отношении российских пенсионеров и тем более пенсионеров вообще. Было бы крайне интересно провести аналогичный анализ людей пенсионного возраста из других социально-профессиональных групп. Вполне возможно, что для пенсионеров других социально-профессиональных групп финансовый фактор будет иметь большее значение, в то время как почти для всех респондентов нашего исследования он оказался несколько нивелирован (они либо вышли на пенсию в начале 1990-х годов, когда разница между пенсией и зарплатой была не столь значительна, как в настоящее время, либо эти люди имеют дополнительный источник дохода). Также было бы интересно исследовать стратегии адаптации к пенсии и реконструкции идентичности людей из другой социокультурной среды.

Литература

- Груздева Е.Б., Чертихина Е.С. Труд и быт советских женщин. М.: Политиздат, 1983.
- Ежов О.Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII. № 3.
- Россия в цифрах. Краткий статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. М., 2007.
- Becker H. Outsiders, Paris: Métailié, 1985.
- Bessin M. Le temps, une question du pouvoir // Revue de l'OMOS. 2005 (printemps).
- Bessin M. Les paradigmes de la synchronisation: le cas des calendriers biographiques // Information sur les sciences sociales // Social science information. 1997. Vol. 36. № 1.

- Bidart C.* Les âges de l'amitié: cours de la vie et formes de socialisation // Ravis-Giordani G. (dir.). Amitiés, anthropologie et histoire. Aix-en-Provence: Presses de l'Université de Provence, 1998.
- Caradec V.* Vieillir après la retraite. Approche sociologique du vieillissement, Paris: PUF, coll. Sociologie d'aujourd'hui, 2004.
- Caradec V.* Sociologie de la vieillesse et du vieillissement. Paris: Nathan, collection 128, 2001.
- Caradec V.* Les transitions biographiques, étapes du vieillissement // Prévenir. 1998. № 335.
- Drulhe M.* Vieillir: un autre regard // Vieillir entre proches et professionnels. EMPAN. № 52. Erès. 2003.
- Dubar C.* La socialisation : construction des identités sociales et professionnelles. Paris: Armand Colin, 1998.
- Goffman E.* Stigmate. Les usages sociaux des handicaps. Paris: Les Ed. de Minuit, 1975.
- Guillemard A.-M.* La retraite, une mort sociale. Paris: PUF, 1972.
- Guionnet C., Neveu E.* Féminins/Masculins, sociologie du genre. Paris: Armand Collin, coll.U, 2004.
- Hughes E.C.* Le regard sociologique, Paris: éd. De l'Ecole de Hautes Etudes en Sciences Sociales, 1996.
- Le Borgne-Uguen F.* La grand-parentalité : une occasion de socialisation des retraités // Legrand M. (dir.) La retraite: une révolution silencieuse, Edition Erès, 2001.
- Loriol M.* "Mauvaise fatigue" et contrôle de soi: une approche sociohistorique // Pistes. 2002. Vol. 4. № 1.
- Membrado M.* L'aide à la vieillesse à l'épreuve des rapports sociaux de sexe // Le genre: de la catégorisation du sexe. L'Harmattan. UTINAM. Revue d'anthropologie et de sociologie. 2002. № 5.
- Membrado M.* Expériences de la vieillesse et confrontation au regard des autres // C. Hummel (éd) Actes du Colloque international «Les sciences sociales face au défi de la grande vieillesse», Genève: Centre Interfacultaire de Gériologie. 1999. № 1.
- Merton R.K.* The Thomas Theorem and The Matthew Effect // Social Forces. 1995. № 74 (2).
- Paugam S.* Les formes élémentaires de la pauvreté. Paris: PUF, 2005.
- Riley M.W., Foner A.* Aging and Society. N.Y.: Russel Sage Foundation, 1972.
- Tabboni S.* Les temps sociaux. Paris: Armand Colin, 2006.